

Он лежал на больничной койке и смотрел в потолок. Потолок был белый — словно чистый лист бумаги, словно поле, припорошенное снегом. Он лежал на больничной койке после инфаркта и размышлял о прожитом. Раньше он был слишком занятый человек, чтобы часто и серьезно задумываться о своей судьбе. Но теперь, скованный неподвижностью, но живой, живой, черт возьми, он мог по полочкам разложить все прожитое.

Что сделал ты, Людвиг, за годы поисков и странствий? Профессию ты обрел, когда сразу после культпросветучилища напросился на целину. Тогда, став директором районного Дома культуры, ты организовал свой первый театр. Это был любительский коллектив, но с него началось увлечение всей жизни. Ради этого увлечения ты прикатил в Москву — и Образцов принял тебя в свою студию на Высшие режиссерские курсы. Как много он дал, добрый сказочник и кукольный волшебник — Сергей Владимирович Образцов! После уроков мэтра ты сразу стал главрежем в Челябинске. И работал, работал, работал... Роли, спектакли, репетиции, гастроли. Ты понимал, что еще не успел сделать многого. А скорее всего, не успел сделать главного. Но чего именно? Сейчас, оказавшись в клинике с инфарктом, Устинов это понял — он не успел создать свой театр.

Друзья и коллеги в больницу приходили часто. Бодрые и веселые, они пускались на все хитрости, чтобы зарядить его своим оптимизмом. Но Устинова и его друзей словно разделила незримая черта. Что-то друзья умалчивали. Уже потом, когда Людвига выписали из клиники, друзья признались — врачи настаивали на признании инвалидности и полном отстранении главрежа от работы. А они отважились с врачами спорить. Друзья доказывали: отлучить Устинова от театра — это все равно, что убить. И потому он вернулся к режиссерскому пульта. Нет, не главным — очередным постановщиком. Главным стал друг Устинова. И они вместе делали для детей новые спектакли. Так прошло несколько лет.

И однажды пришло предложение из Министерства культуры — возглавить но-

вый театр в Абакане. Он не стал долго раздумывать. Он готов был ехать хоть на край света, готов был вложить последние силы, только бы не упустить этот шанс. И что за фантастика: Людвиг враз почувствовал себя окончательно выздоровевшим, полным сил.

Абакан находился в самой глубине Сибири — здесь многостроек, известных на всю страну, да и за ее пределами. А когда Устинов туда примчался, обнаружил, что за паутиной строительных лесов только угадывались контуры будущего театра. Не было ни актеров, ни художников, ни декораторов, ни осветителей. Где найти единомышленников, способных нового режиссера понять и за ним пойти?

Так уж случилось, что через несколько дней после приезда в Абакан Людвиг решил посмотреть знаменитую стройку — Саяно-Шушенскую ГЭС. Он стоял на смотровой площадке и любовался панорамой: небо подпирали горные хребты, внизу струился Енисей, перегородженный бетонной плотинкой. Его восхитили люди, работающие здесь. Они приехали на пустое место, чтобы поднять гигантскую стройку. И они внушали искреннюю симпатию. Ведь когда люди едут в Сибирь за большим делом и находят в нем себя — это здорово. А если разобраться, за тем же приехал и ты, Людвиг. Ты режиссер, и тебе предстоит создать детский театр, нужный в Сибири не меньше заводов и электростанций. Но с чего начать?

В тот день, на большой стройке, он это понял — начинать надо с добровольцев. И вскоре в различные театральные училища страны полетели письма, в которых были слова: «Если ты хочешь создать свой театр, если не боишься трудностей и мечтаешь о настоящей творчестве, приезжай в Абакан...»

И лишь когда он отправил письма, вдруг почувствовал страх. Он подумал, что, может быть, это чистой воды авантюра. Разве можно равнять опыт и схему гигантской стройки с тонкой материей творчества? Но иного выхода у Устинова попросту не было. Оставалось ждать — чем это все обернется?

...В дверь робко постучали. Устинов вышел навстречу. На пороге стоял молодой человек с чемоданом в руке. Юноша сказал:

— Моя фамилия Нагдасев, по вашему вызову приехал...

Точно так же, прямо из аэропорта или с вокзала, к нему являлись и другие ребята: Лена Антонова, Захар Лебедев, Тоня Пичугина, Сергей Лебедев... Были они молоды и полны надежд. Устинов

Опыт наших друзей

БЫЛЬ ПРО «СКАЗКУ»

Говорят, театр начинается с вешалки. А для них он начинался с мечты. Четырнадцать актеров, из которых десять комсомольцы, — вот и вся труппа детского театра «Сказка» из сибирского города Абакан.

Но сегодня их спектакли идут с аншлагом, а на иные билеты раскупают на полгода вперед. Несколько лет назад им, одному из самых молодых детских театров страны, поручили представ-

вел своих будущих актеров в зрительный зал, и ребята ахали — вместо крыши над ними синел кусочек неба. Некоторые сочили себя попросту обманутыми, попросили и вернулись домой. Но те, кто остались, сразу же принялись за дело. Ребята помогали строителям и репетировали, делали куклы и сами монтировали сцену. В 1979 году, накануне Нового года, сыграли первые два спектакля.

— Как они прошли? — спрошу я позже Устинова.

— Успешно, но нас никак не покидало волнение. Когда в городе появляется новый театр, он всегда вызывает интерес. Вот только порой проходит время, и зритель уже не рвется в зал, а сидит, скажем, дома у телевизора. А в Абакане еще и детского театра никогда не было. Не было и театральных тради-

ций. Нам самим предстояло их создать. Впрочем, надежду на успех подогревало то обстоятельство, что наш зритель юн и чист, любит добрую сказку и умеет мечтать.

Крыша над головой — всего лишь крыша. Но ухнула кувалда, посыпались кирпичи, появилась лестница. И стала крыша сценой. Вышли на нее актеры, сыграли веселое и задорное представление, в котором ожили герои будущего репертуара. Так открывала «Сказка» свой второй сезон.

Был октябрь, уже кружил снег, но площадь перед театром загрохотали люди. Сколько их собралось — пять, семь тысяч? Никто не считал. Милиция срочно перекрыла движение на одной из центральных улиц Абакана, чтобы взрослые и малыши смогли посмотреть представление до конца и проводить аплодис-

ментами труппу, к которой город почувствовал интерес. Да, тогда они искали друзей — на площадях и в школах, в пионерских организациях и в областном комитете комсомола. И друзья у театра появились. Когда на Саяно-Шушенской ГЭС пускали четвертый, «комсомольский» агрегат, ребята из обкома ВЛКСМ попросили: «Подготовьте программу для торжества». И они подготовили. Да такую яркую и запоминающуюся, что пришлось отложить заранее подготовленные речи, потому что они явно бледнели на фоне выступления актеров. А потом у них появилось с комсомолом еще много общих дел. Работники обкома говорили: «Сделайте спектакль, чтобы актеры могли выступать на ударных стройках». — «Будет», — отвечал Устинов. Работали внепланово, репетировали по

пехом спектакля? Полный зал, аплодисменты или хвалебную рецензию? А, может, подлинный успех кроется именно в доверии зрителей?

— Если говорить по большому счету, доверие к театру детей начинается с доверия родителей, — сказал мне как-то Устинов.

Только этим Людвиг сегодня объясняет, почему в репертуаре «Сказки» появились спектакли с грифом: «только для взрослых». «Божественная комедия» и «Детские пегухи» — работы, рассчитанные на людей сформировавшихся. Но тот, кто их посмотрел, понял — ребенка такой театр непременно сделает лучше и чище.

Устинов часто носит с идеями — открыть вторую сцену для самых маленьких. Уже пробил помещение, есть проект зала «Малютка», куда будут ходить трехлетние малыши. Кроме кукольных спектаклей, они увидят и «театр теней».

Да, он любит генерировать идеи, потому что рядом работают единомышленники. Но лично я нередко задумывался — как им удастся обойтись без соперничества, без борьбы за первенство на сцене, без заурядных козней?

Из беседы с Зоей Воронцовой, актрисой и секретарем комсомольской организации театра:

— Теперь мне и вспомнить неудобно, а ведь когда распределение получила, боялась. Куда тебя, Зойка, несет, — Абакан, окраина Сибири, друзья о культурных центрах поговаривают, о столичной сцене мечтают. А еще, как у всякого молодого актера, был страх перед незнакомым театральным коллективом. Как задвину на третьестепенные роли, будешь всю жизнь «кушать подано» произносить. Но приехала и поняла — у меня лучшее распределение.

В труппу включили сразу. А Устинов сказал: «Зоя, в нашем театре традиция — начинать с главной роли. Это твоё крещение». И очень скоро дал центральную роль в новом спектакле.

— Зоя, что подразумевают ребята, когда называют друг друга единомышленниками?

— То, что перед сценой мы все равны, творим сообща. Сегодня в репертуаре теат-

ра более 20 спектаклей. О некоторых из них можно долго размышлять и спорить, а на иных просто веселиться. Одни наполнены буффонадой, другие — сентиментальной грустью.

Нынче к ним пришла популярность и известность. На фестивале детских театров в Варне, где труппа показала спектакль по пьесе Рады Москова «Куда ты, жеребенок!», им рукоплескал зал в 800 человек. И первый приз «Знамя мира» вместе с тремя дипломами — за лучшую постановку, исполнение роли и музыкальное оформление — оказались сенсацией. В Варне в тот год собрались лучшие творческие коллективы из 10 стран.

Но мне рассказывали в Абакане еще и такой случай. Однажды, когда первоклассники десятой школы посмотрели спектакль по пьесе румынского драматурга А. Попеску «Пушок-волшебник», их попросили написать «закрытые письма». «Закрытые письма» — это особые письма, где обязательно ставить подпись, зато можно рассказать о самом сокровенном. А вопрос был простой: какое желание ты попросил бы исполнить всесильного Пушки-волшебника?

Потом учителя принесли эти письма в театр. И Устинов со своими актерами их много раз перечитывал. Разные у детей оказались пожелания: «Пушок-волшебник, я хочу, чтобы у меня был папа», «Сделай так, чтобы мальчишки меня не дергали за косички», «Пусть в нашем дворе будет коток и много-много белого снега». Но удивительнее всего, что целых семнадцать писем просили, умоляли и даже требовали об одном и том же: «Сделай так, Пушок-волшебник, чтобы выздоровел Алеша». Поинтересовались, о каком Алеше речь. Оказывается, в классе есть мальчик, который уже давно и серьезно болеет.

Не потому ли полюбили абаканцы «Сказку», что она воспитывает доброго и чистого зрителя?

Впрочем, не только зритель — доброго и чистого чело-

Игорь ТЕТЕРИН.
Фото автора.